

Т.Н. БРЫСИНА

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ: СПЕЦИФИКА И РОЛЬ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

На протяжении уже двух столетий философия работает над поиском ответов на знаменитые кантовские вопросы о возможности ее самой, а также математики и естествознания в качестве научного познания и знания. В конце века девятнадцатого к ним присоединился вопрос о возможности наук о человеке и обществе. Разумеется, за столь продолжительное время было предложено множество ответов, данных в рамках определенного понимания сути науки, ее общественного статуса и аксиологической значимости.

Однако несмотря на обилие этих ответов, их можно достаточно легко свести к двум группам, внутри которых, конечно, существуют свои отличия, но они не являются существенными для решения нашей задачи - экспликации социально-гуманитарного дискурса. Критерием классификации здесь выступает базовый методологический принцип, который позволяет исследователями (иногда даже не будучи ими отрефлексированным) осуществлять поиск ответов на вышеуказанные вопросы. Можно выделить в философии науки два принципа: методологический монизм и методологический дуализм. Мне представляются удачными эти названия, поскольку они позволяют уже на первом этапе зафиксировать единство и специфику методических интенций и теоретических идеализаций, которые лежат в основании любой концептуальной схемы науки.

В силу известных причин и обстоятельств до девятнадцатого века оставалось базовым положение [1; 151] Бэкона о том, что естественная история, исследующая природу, во-первых, в ее естественном проявлении, во-вторых, отклонения от естественных состояний и, в-третьих, взаимоотношения природы и человека охватывает по сути и по содержанию весь арсенал научного знания. Таким образом, наука, в общем-то, оказывалась ничем иным, как естествознанием. Отсюда вся проблематика исследований науки как особой формы получения и организации знания обуславливалась и инициировалась ходом развития естествознания, которое выступало не только предметом для таких исследований, но задавало образцы и критерии научности как таковой. Поэтому в этот довольно длительный период философии науки единственным принципом, на основе которого строились объяснительные схемы, был методологический монизм, утверждавший единство (и единственность) закономерностей существования реальности, а тем самым - единство способов и средств их познания. Отсюда наука представлялась единой формой организации познания и знания, внутри которой происходила их структуризация и дифференциация по предмету (представлявшему тот или иной фрагмент реальности) и специфическим (частным) методам исследования. На этом строились классификации наук, понятых в качестве конкретного выражения Науки: открывающие законы (теоретические науки) и описывающие явления и их регулярности, данные в опыте (эмпирические науки). Цель Науки одна - познание закономерностей; функции едины - обнаружить закономерности; форма организации знания - системность и внутренняя непротиворечивость; резуль-

тат – истина как безусловная, т. е. инвариантная суть изучаемого объекта.

Такая картина науки не могла появиться без предварительной многообразной работы сознания как ее творцов, так и обычных людей, погруженных в мир повседневной жизни. И состояла эта работа прежде всего в образовании идеализаций, составивших исходные предпосылки последующих, уже на уровне специализированного познания осуществляющихся, процедур мыслительности. Исследование исторических обстоятельств и самого хода появления таких идеализаций, обусловивших рождение нововременной науки осуществлено Э. Гуссерлем [2]. Поэтому остановлюсь на итогах: во-первых, природа предстает как конкретный и бесконечный универсум каузальности; во-вторых, признается принципиальная возможность применения к так понятой природе математических (в первую очередь геометрических) средств познания, что по сути означало превращение математики в универсальный метод; в-третьих, построение индуктивного предсказания как знания особого рода, а именно, аппроксимативно приближающегося к абсолютной истине. Таким образом, идеал научности, сформировавшийся в Новое время, заключал в себе одну любопытнейшую, но самими учеными неосмысленную идею: наука, если она удовлетворяет вышеперечисленным параметрам, есть бесконечно *гипотетическое*¹ и, следовательно, бесконечно проверяемое знание.

Вот этот момент, - гипотетичность² - ускользает от представителей ученого сообщества, не говоря уже об обычных людях. В силу этого наука в форме естествознания приобретает ореол единственного способа получения истинного знания, позволяющего дать ответ о реальности как она есть сама по себе.

На этих же предпосылках в философии науки разворачивается проблема познаваемого и познающего (в привычной терминологии - объекта и субъекта познания), которая по-иному, в другом языке, представляет вышеуказанные - кантовские – вопросы. Контекст методологического монизма требовал единообразного ответа на вопрос о природе науки как знания о единой реальности, а также единообразного ответа об агенте этого знания. Отсюда произрастает вторая сверхмощная идеализация - «незаинтересованный наблюдатель», равновеликая первой – природе³.

Благодаря им в новоевропейской культуре стала возможной модель науки как *бесконечного* приращения знания на основе все более изощренных методов, обеспечивающих все более точное, то есть приближающееся к идеальным формам, представление в виде законов отношений как этих форм, так и самих знаний.

Конструирование все новых отношений и фиксирующих их понятий открывало по истине неисчерпаемые возможности не только в теоретической, но и прикладной (утилитарной) сферах жизнедеятельности.

А это, в свою очередь, обеспечивало Науке (и тем, кто ее осуществлял) за-

¹ Гипотетическое, поскольку построено на идеализациях, имеющих в сознании модус «само собой разумеющегося».

² Знаменитое ньютоновское высказывание: «гипотез не изобретаю» означает не что иное, как утверждение строгости метода применения, т. е. отсутствие в нем ошибок и просчетов.

³ Геометрически организованный мир идеальных форм.

видный социальный статус, со всеми вытекающими следствиями. Власть науки, о которой в XX веке написано немало, для многих ученых оказалась непреодолимым соблазном, который не смогли избежать философия и даже искусство. Поэтому нет ничего удивительного в том, что исследования общественной жизни (в целом и в частностях), как и жизни человеческой, расцветшие в двадцатом веке, ориентировались на естествознание, к этому времени имевшему грандиозные успехи.

Однако одного желания, каким бы глубоким и искренним оно ни было, недостаточно. Возможность построения социально-гуманитарного познания и его результатов на принципе методологического монизма обеспечивалось и обуславливалось такими же донаучными идеализациями, что и естественнонаучное познание и знание.

Прежде всего люди в своей обыденной, повседневной жизни не подвергают сомнению существование ни природного мира, ни наличие других людей и их связей. Эта вера выступает фундаментальной структурой самой жизни и имеет в качестве коррелята интенцию сознания под названием «само собой разумеющееся». Фундаментальность данной структуры настолько мощна, что для обычного ученого (не важно, естествоиспытатель он или обществовед), не искушенного в тонкостях феноменологической методологии, исследуемый предмет им самим *обычно* мыслится существующим как таковой⁴, объективно. Отсюда и возникает иллюзия, что ученый имеет дело природными или общественными явлениями точно такими же, с какими имеет дело человек в повседневной жизни. Именно эта иллюзия порождает в научном познании многие заблуждения, «пустые» проблемы и бессмысленные дискуссии. «Мир ученого, изучает ли он природу или общество, не более и не менее реален, чем мир мышления вообще. Это не тот мир, в котором мы действуем и в котором мы рождаемся и умираем» [3; 95].

Таким образом, обнаруживается не только экзистенциальная, но и методическая общность в реализации научного (теперь можно сказать - любого) познания.

Другой не менее фундаментальной идеализацией, на которой и из которой произрастают как естествознание, так и социально-гуманитарное знание, является создание различных «идеальных типов». В своей повседневной жизни люди обладают очень специфическим видом знания (о природном, социальном, психологическом), которое обеспечивает им успешность деятельности. Однако само знание удовлетворяет требованиям не достоверности, а только правдоподобия. Это обусловлено тем, что оно, во-первых, включает в себя самые разные (и по происхождению, и по функциям) элементы - привычка, догадка, предрассудки, верифицированные факты и т. д. и т. п., что не позволяет ему иметь характер систематичности; во-вторых, связь элементов не обладает характером каузальности, а только регулярности, да и то не всегда; в-третьих, отношения между элементами знания - это согласованность *типического*, а не согласованность в ре-

⁴ «Как таковой» - это тоже идеализация, возникающая из процедуры абстрагирования и полагающая особую идеальную форму - «сам по себе», «вне связей и отношений».

зультате обоснования или доказательства. Поэтому знание, функционирующее на уровне обыденного, повседневного опыта можно назвать рецептурным: актуализируется *типичная* связь *типичных* элементов в *типичной* ситуации.

Самое важное для нашей темы здесь то, что образование разного вида «идеальных типов» в повседневности осуществляется человеком *вне* рефлексивной работы сознания, что называется «само собой».

Конструирование типов событий, явлений, процессов, связей обеспечивает человеку возможность организовывать реальность (природную или социальную) таким образом, что она приобретает характер целостности. Тем самым недоступное чувственному опыту микшируется с уже известным (или предполагаемым) или оно наделяется свойствами известного благодаря процедуре экстраполяции, либо вообще экранируется как малозначимое (неважное, неинтересное и т. п.). Таким образом, всегда фрагментарный, неупорядоченный, дискретный опыт приобретает целостность, организованность, континуальность. Или, другими словами, рационализируется, становясь помимо всего прочего пригодным для теоретической обработки. Следуя в русле кантовской мысли об априорных формах, обеспечивающих возможность математики и естествознания в качестве наук, можно сказать, что конституирование «идеальных типов» есть условие осуществления любого вида научной деятельности, а выделенные Кантом априорные формы (пространство, время, категории, идеи) суть не что иное, как результат вторичной обработки уже организованной типичным образом реальности как природной, так и социальной.

Обнаружение роли конституирующей активности сознания в упорядочении опыта повседневной жизни, осуществленное на рубеже XIX и XX веков неокантианцами Баденской школы, представителями «философии жизни» и феноменологией оказано радикальное воздействие на осмысление природы научного познания и характера знания. Первое следствие этой радикализации состояло в отказе от тотального статуса методологического монизма. На первых порах произошло резкое противопоставление наук о природе и наук о культуре, или социально-гуманитарного знания. Главным аргументом в защиту такого видения научного познания и знания выступал факт аксиологической нагруженности как самого познания, так и его исследования, что связано с включенностью исследователя в общественные связи, в сам ход социальной и человеческой жизни. Другими словами, представители методологического дуализма ввели в философию науки новую идеализацию - «заинтересованный наблюдатель», что, естественно, требовало введения коррелятивной ей идеализации. Таковой стало представление общества уже не как осуществления абсолютной идеи либо естественно-исторического процесса, но как многообразных и разнородных событий и состояний, носящих *уникальный* характер. Тем самым под вопросом оказались не только возможность выработки общезначимого и необходимого знания о них, но и само наличие каузальных связей между ними. Точнее, причинно-следственные связи в общественной жизни перестали трактоваться в качестве ее (жизни) метафизических оснований. Общество (не говоря уже о человеке) тем самым, оказывалось *по сути* отличным от природы, где каузальные связи

имеют базисный статус, чем и обеспечивается установление законов в естествознании. Методологический дуализм, следовательно, оказывался таким «тройным конем»: происходило не просто разделение наук по методам, предмету и функциям, а разрушалось само понимание науки как формы бытия истины⁵, а тем самым сама реальность теряла главнейшее качество - единственность. Перед ученым сообществом возникла дилемма: либо отказаться от многовековой традиции и признать разнородность реальности и, следовательно, множественность форм истины, а тем самым принять претензии социально-гуманитарного знания на научность, либо, сохраняя традиционное (классически-рационалистическое) понимание истины, признать ограниченность науки, тем самым опять-таки отказаться от такой же давней идеи о принципиальной открытости и беспредельности познания.

Осознание сложившейся ситуации стимулировало попытки восстановить status quo, вводя дополнительные условия, при которых социально-гуманитарное познание сохраняет характер научности в традиционном (классически-рационалистическом варианте), что означает возвращение на позиции методологического монизма. Наиболее показательными в этом плане были результаты феноменологии, на которых кратко остановлюсь.

Ранее уже указывалось на особенности новоевропейского естествознания, для которого гипотетичность является атрибутивной характеристикой. Такой же гипотетичностью обладает и обществознание, поскольку оно исходит из таких же идеализаций. Поэтому нет принципиального различия в работе ученых: и естествоиспытатели, и исследователи общества и человека имеют дело с уже пропущенными через конституирующую активность сознания идеальными формами (идеальными типами); и те и другие занимают особую исследовательскую позицию (теоретическую установку), становясь специфическими «незаинтересованными наблюдателями» идеальных объектов, которые ими конструируются⁶; в том и другом исследовании должны соблюдаться единые методологические требования - совместимость с принципами формальной логики, осмысленность и согласованность элементов знания, проверяемость допущений (гипотез) и их совместимость с уже имеющимся арсеналом знаний данной научной области.

Однако даже при такой трактовке научно-исследовательской деятельности не удастся вернуться к ранее единому пространству науки, поскольку сами представители феноменологической философии признают, «что мы не можем работать с феноменами социального мира так, как мы работаем с феноменами, относящимися к природе. В последнем случае мы собираем факты и регулярно-

⁵ Обратим внимание на специфическое понимание истины как безусловного знания, господствующее в европейской культуре с античного периода.

⁶ В данном случае «незаинтересованный наблюдатель» - методологическая конструкция, отличающаяся от «незаинтересованного наблюдателя» методологического монизма тем, что демонстрирует сознательно принятую позицию. Исследователь должен постоянно осуществлять процедуру «эпохе» (заключения в скобки всех образований повседневного бытия), в отношении своего собственного духовного мира, оставляя в нем только то, что присуще научно-исследовательской деятельности как таковой, независимо от области ее реализации, а также отдавать себе отчет, что исследуемый им мир есть результат конструирующей работы сознания.

сти, которые нам понятны и которые мы можем лишь соотнести с теми или иными фундаментальными допущениями о мире... Социальные же феномены мы хотим понять, а понять их мы не можем никак иначе, кроме как в рамках определенной схемы человеческих мотивов, целей и средств, человеческих планов - короче говоря, в категориях человеческого действия» [3; 92]. Это означает, что социально-гуманитарное знание никогда, ни при каких специальных методических операциях не может стать экзистенциально нейтральным. Даже сами эти операции уже придают ему человеческую нагруженность. Однако проблема заключается еще и в том, что и естественнонаучное знание также не может быть выведено из схемы человеческого действия. И дело даже не в том, что наука является социокультурным и исторически определенным образованием, а в том, что невозможно осуществить до конца феноменологическую редукцию.

Самая развитая теоретическая деятельность в силу своего производящего характера в каждый данный момент времени воспроизводит свои собственные предпосылки и условия осуществления, которые ей самой в момент протекания не даны даже тогда, когда ее агент пытается осуществить процедуру самонаблюдения. Это означает, что в теоретическом мышлении всегда воспроизводится в виде «неявного остатка» эмпирический опыт сознания (или содержание повседневного, жизненного мира), наполненный различными репрезентациями и превращенными формами. А эти последние и есть представители человеческих планов, проектов, целей, мотивов и т. д. и т. п. Следовательно, если и признавать различие по существу естественнонаучного и социально-гуманитарного познания и знания, то искать его нужно не в особенностях мыследеятельности при осуществлении тех или других исследований, которая всегда должна соответствовать вышеуказанным формально-логическим и методическим требованиям; не в том, что агент естественнонаучного познания «чист», т. е. независим от социокультурного и исторического контекста. Развенчание этой иллюзии - непреходящая заслуга именно гуманитарного познания. Их различие ролевое: социально-гуманитарное познание помимо того, что оно должно искать истину и формулировать законы (как это делает естествознание), обеспечивает упорядочение самой человеческой и социальной жизни. Другими словами, ответ на вопрос о том, как возможна наука об обществе и человеке заключается в выявлении условий, обеспечивающих вписывание человека в им же самим сотворяемую и преобразовываемую реальность под названием общество, или ее конкретные формы бытия - историю, культуру, цивилизацию. Таким образом, социально-гуманитарное познание это всегда еще (сверх того) дискурс о смыслах его самого и его результатах, тогда как естествознание может обходиться без подобных рассуждений. Однако современное состояние научного познания таково, что такого рода размышления начинают возникать и в естествознании, что свидетельствует, на мой взгляд, о возвращении методологического монизма на прежнее - доминантное место, но только в ином качестве. Теперь уже социально-гуманитарное познание начинает выступать в виде образца или ориентира для научного познания. Возможно, начинает реализовываться тезис Леви-Строса о том, что XXI век должен стать веком гуманитарного познания и знания либо он вообще не осуществится.

Библиографический список

1. Бэкон Ф. Сочинения в 2-х томах / Ф. Бэкон. - Т 1.
2. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология // Вопросы философии. - 1992. - №7.
3. Шюц А. Проблема рациональности в социальном мире // Избранное: Мир, светящийся смыслом. - М., 2004